

А.Я. Каковкин

КОПТСКАЯ ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ “СУДА СОЛОМОНА”

В 1932 г. Анна Апостолаки издала каталог тканой продукции из христианских захоронений в Египте, хранившейся в музее прикладных искусств в Афинах¹. По тем временам это было вполне образцовое издание². Среди в большинстве случаев впервые обнаруженных тканей было несколько редких и даже уникальных образцов. В разделе тканей с христианскими сюжетами (в их числе были: эпизоды истории патриарха Иосифа, “Даниил во рву львином”, “Встреча Марии с Елизаветой”, “Рождество Христово” и др) наше внимание привлекла ткань с инвентарным номером 1382³.

Она представляла собой вотканный в полотно неплохой сохранности медальон (диам. 19 см.), на котором на основе из белого льна выткана в гобеленовой технике разноцветными шерстяными нитями многофигурная сцена: справа на троне восседает в трехчетвертном обороте бородатый мужчина в дорогих одеждах, с нимбом, с небольшой короной на голове. Его размеры, превышающие размеры всех остальных изображенных лиц, и трон, на котором он сидит, выделяют его как главного персонажа, подчеркивая его высокое достоинство. Поза мужчины выражает задумчивость: его правая рука поднесена ко рту, левая протянута перед собой по направлению к стоящему рядом с ним молодому мужчине. Его голова тоже окружена нимбом. На отставленной в сторону правой руке он держит небольшую человеческую фигурку, а в левой руке меч. По сторонам головы сидящего мужчины изображено по крохотной человеческой фигурке (та, что вверху, с нимбом), а за спиной стоит, протянув вперед левую руку фигура женщины. В фоне ткани несколько растительных побегов и вытканых белыми нитками значков, имитирующих греческие (или коптские) буквы. Обрамляет медальон двухрядная полоса: внутренняя широкая представляет собою чередующиеся растительные побеги, внешняя узкая состоит из разноцветных прямоугольников (рис. 1). Цветовая гамма довольно насыщена: красный, желтый, синий, коричневый, черный, белый.

¹ Апостолаκη Α. Τα κοπτικά ύφασματα τοῦ ἐν Ἀθήναις Μουσείου τῶν κοσμητικῶν τεχνῶν. Ἐν Ἀθήναις. 1932.

² См. рец. на неё: BZ. 19355. Bd. 35. S. 141-144.

³ Апостолаκη Α. Op. cit. N 1382. Рис. 119. А. Апостолаки на с. 152 указывает, что аналогом этой ткани является медальон того же музея (инв. № 1379). Обе ткани воспроизведены в диссертации Л. Абдел-Малек (Abdel-Malek L.N. Joseph Tapestries and related Coptic Textiles. Ann Arbor, 1980. P. 230. Cat. N 71, fig. 76 (N 1382); P. 230. Cat. N 71, fig. 71 (N 1379).

Рис. 1. Суд Соломона. Многоцветная ткань VIII—IX вв.
Афины, Музей прикладных искусств (воспроизведена в каталоге А. Апостолаки, 1932 г.)

А. Апостолаки отнесла эту ткань к VI—VII вв. и определила сюжет как "Избиение вифлеемских младенцев" — событие, отмеченное из синоптиков лишь в Евангелии от Матфея. В стихе 16 гл. II-ой рассказывается как, узнав от волхвов о рождении Иисуса Христа, "... Ирод ... весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже по времени...". Согласно церковной традиции, по приказу Ирода умерщвлено было 14 тыс. младенцев. Такой жестокой мерой он думал погубить Иисуса.

По мнению А. Апостолаки, сидящая фигура представляет Ирода Великого, отдающего распоряжение умертвить младенцев, дабы не оставить в живых Спасителя мира. Молодой воин расправляется с ребенком, две другие маленькие фигурки обозначают умерщвленных детей. Стоящая за Иродом фигурка представляет одну из матерей, олицетворяющей убитых горем других несчастных женщин.

В качестве сюжетной и иконографической аналогии тканому изображению А. Апостолаки привела сцену в росписи скальной церкви монастыря св. Иоанна (Дейр Абу Хиннис) близ Антинополиса (рис. 2)⁴. Предположения

⁴ Апостолаки А. Указ соч. С. 152. Перв. публ. этой сцены см. Бок В. Г. Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901. С. 84. Табл. XXXIII.

Рис. 2. Избиение младенцев.

Роспись (копия) пещерной церкви монастыря св. Иоанна (Деир Абу Иннис) близ Антинополиса

А. Апостолаки очень интересны, поскольку это евангельское событие не нашло широкого отражения в коптском искусстве. П. дю Бурге в помещенной в "Коптской энциклопедии" статье "Избиение младенцев" приводит лишь два памятника с этой сценой — упомянутую роспись в Деир Абу Хиннис и роспись в 30-й часовне обители апы Аполлона близ Бауита⁵. На наш взгляд, к росписям следовало бы добавить и миниатюры⁶. Уместно отметить, что высказано и предположение, что сцена избиения представлена на двух медальонах фрагментированной завесы из собрания Кеворкяна⁷. На всех этих памятниках (кроме завесы) сцены многолюдны и эмоционально накалены. Естественное, что в силу ряда причин объективного характера, обусловленных самой техникой ткачества, в ткани сцену в таком виде, как в росписе или миниатюре, представить невозможно: ткач вынужден упрощать изобразительный строй композиции, сокращать число действующих лиц, опускать детали. Именно в таком варианте сцена представлена на афинской ткани. Удивляет в ней одна странная особенность: почти все персонажи на ней представлены

⁵ Boourget P. du. Massacre of the Innocents // The Coptic Encyclopedia. N.Y., Toronto etc. 1991. T. 2. P. 533-534. О росписи этой часовни подробно см.: Clédet J. Notes archéologiques et philologiques // Bulletin de l'Institut Français d'archéologie orientale. Le Caire, 1902. Vol. 2. P. 44-54. Pl. I-V.

⁶ Leroy J. Les manuscrits coptes et coptes-arabes illustrés. P., 1974. P. 117, 118, 159. Pl. 45, 1; 77.

⁷ Эта завеса впервые фигурировала на выставке в Бруклинском музее весной 1941 г (Pagan and Christian Egypt, Egyptian Art from the first to the tenth century A.D. N.Y., 1941. P. 74. № 234). Устроители выставки видели в этой сцене "римского солдата, участвующего в акте избиения". В сообщении об этой выставке С.Тер Нерсесян (The Art Bulletin. June 1941. Vol. XXIII. N 2. P. 167) в предположительной форме высказалась о возможности видеть здесь "Избиение вифлеемских младенцев". Нам кажется, что в этой сцене вполне можно видеть изображение мученичества христиан. Факт сам по себе весьма примечательный, если учесть, что у коптов (ведущих свое летосчисление по собственной "эре мучеников" — с момента воцарения Диоклетиана) почти нет сцен мучений. А если и попадают, то трактуются и понимаются как акт триумфа мучеников (см., например, сцены мучений св. Фёклы в скульптуре, керамике и ткачестве)

левшами. Если это не технический типографский брак (фото при воспроизведении представили в другую сторону — "зеркалка"), то промах ткача, который, используя образец, по-видимому, прорись, положил ее обратной стороной⁸. Если представить ткань в обратном изображении (рис. 3), все встает на свои места. Но не это главное. Нас не убеждает предложенная А.Апостолаки интерпретация сцены. Основной смысл уловлен ею верно — раправа над младенцем, но сюжетная основа сцены другая. Нам кажется, что уместнее видеть на афинской ткани не евангельский эпизод (между прочим, проходной, зафиксированный только у Матфея⁹, и, по правде говоря, только косвенно коснувшийся Иисуса Христа), а библейский, отстоящий от евангельского на несколько столетий. Речь, скорее всего, может идти об эпизоде, связанным с царем Соломоном, и получившим название "Суд Соломона". Этот эпизод породил утвердившийся за молодым царем эпитет "мудрого".

Рис. 3. Прорисовка афинской ткани в верном воспроизведении

⁸В своей практике ткачи очень широко пользовались всевозможными образцами, часто комбинируя сцены из разных источников, что иногда приводило к несуразностям и композиционным, и логическим. В том, что мастер использовал прорись-образец, сомнений быть не может. Две представленные на афинской ткани фигуры находят без труда свои прототипы-аналоги в нескольких коптских тканях с изображениями эпизодов патриарха Иосифа: Соломон представлен в типе Иакова, посылающего Иосифа в Дагон проводить братьев; стоящая за спиной царя женщина повторяет фигуру одного из братьев Иосифа (см.: *Nauerth C. Die Josephgeschichte auf koptischen Stoffen // Enchoria. 1978. T. VII, N 2. 105-113. Taf. 27-31, 33; Каковкин А.Я. Эпизоды "Истории Иосифа" на коптских тканях Эрмитажа // Кавказ и Византия. Ереван, 1980. Вып. 2. С. 116-142. Рис. 1-6).*

⁹Подробно, с широким привлечением источников и художественных памятников, эпизод с избие-нием младенцев рассмотрен Н.В.Покровским (Евангелие в памятниках иконографии преимуще-ственно византийских и русских. СПб., 1892. С. 145-151). См. также: *Kötzche-Breitenbruch L. Ikonographie des Bethlehemitischen Kindermords // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1968/69. Bd. 11/12. S. 104-115.*

В стихах 16—28, гл. III в III кн. Царств рассказывается о том, как однажды к Соломону явились две женщины с тем, чтобы царь разрешил их спор. Эти женщины-соседки имели по ребенку-одногодку. У одной из них неожиданно умер ребенок, она подложила его соседке и забрала у той спящей живого мальчика. Решить, чей ребенок и предстояло Соломону. Он распорядился разрубить малыша и передать женщинам по половинке тельца. Та, у которой умер ребенок, согласилась на это. Другая отказалась от прав на ребенка, хотя и была его матерью. Царь признал в ней истинную мать.

Попытаемся обосновать наши предположения. В сцене представлено шесть персонажей. Четверо из них определяются довольно легко. Это — Соломон; воин, готовый разрубить ребенка; стоящая за спиной царя мать малыша, готовая уступить своего сына другой женщине, лишь бы сохранить ему жизнь. В полуфигуре, представленной между стоящей женщиной и головой Соломона, можно признать другую женщину (Такой условный прием должен представлять женщин, стоящих по сторонам царского трона. Отсутствие места вынудило ткача прибегнуть к такому варианту). Фигурку наверху можно принять за умершего младенца, представленного в горнем мире (недаром он с нимбом). Кстати, о нимбах. У Соломона он является атрибутом его высокого, царского достоинства. У воина, вероятно, по ошибке (ткач воспроизвел его с образца, на котором воин был с нимбом — в коптском ткачестве подобные промахи в порядке вещей). В пользу наших предположений, как кажется, свидетельствует и еще одно обстоятельство.

Допустим, что А.Апостолаки была права, посчитав, что на ткани представлено избитие вифлеемских младенцев. Это была бы еще одна из сравнительно немногочисленных в коптском искусстве евангельских сцен, призванная, в данном случае, проиллюстрировать жестокость Ирода. Если же согласиться, что перед нами суд Соломона, то смысл сцены становится более весомым: своим решением мудрый царь спас невинное дитя. Сцена убедительно символизирует идею спасения, ту самую идею, которой отвечает большинство изображений на коптских тканях, будь это изображения из христианской мифологии или из искусства древнего Египта, Греции, Рима, Персии¹⁰.

Обратимся к датировке афинской ткани. А.Апостолаки отнесла её к VI—VII вв. На наш взгляд, её следует датировать VIII—IX вв. По-видимому, в какой-то степени отнести ткань к VI—VII вв. А.Апостолаки "вынудила" датировка росписей в Деир Абу Хиннис, которые в те годы обычно приписывали очень раннему времени — IV—VI вв.¹¹ В вопросе датировок росписей мы разделяем точку зрения Д.В.Айналова, который в рецензии на "Материалы по археологии христианского Египта" В.Г.Бока отмечал, что росписи Деир Абу Хеннис относятся "к более позднему времени, во всяком случае, аналоги они имеют в памятниках IX—XII вв."¹² Несомненно не столь ранние и росписи Бауита, как обычно фигурирует в литературе. Примечательна и такая подроб-

¹⁰Каковкин А.Я. Изображения на коптских тканях: украшения или символы? // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV-XVI вв. Сб. ст. Л., 1988. С. 37-66. Этот тезис завоевывает все большее число приверженцев. Например, он доминирует в комментариях к памятникам, фигурировавшим на выставке "После фараонов". См.: *Beyond the Pharaons: Egypt and the Copts in the 2nd to the 7th centuries A.D.* / Ed. F.D. Friedman // Museum of Arts: Rhode Island School of Design. 1989. См. также: *Maguire H. Garments Pleasing to God: the significance of Domestic Textile Designs in the Early Byzantine Period* // DOP. 1990. Т. 44. P. 215-224 (особенно четко — P. 223-224).

¹¹Основные точки зрения на этот вопрос см.: *Grüneisen W. de. Les caractéristiques de l'art copte.* Florence, 1992. P. 96.

¹²ВВ. 1902. Т. 9. С. 189.

ность — бордюр афинской ткани повторяется на значительной группе тканей с библейскими сюжетами (в частности, на образцах с эпизодами истории Иосифа и Давида¹³), которые ныне все чаще относят к VIII—IX, а порой и к X в.¹⁴ Не исключено, что вся эта продукция вышла из одной мастерской, которая, судя по фиксированному месту происхождения некоторых из этих тканей, вполне могла находиться в Ахмиме.

Афинская ткань примечательна не только тем, что на ней изображен один из ветхозаветных сюжетов¹⁵, не столь уж редких в коптском искусстве, как полагали некоторые ученые¹⁶. Эта ткань, наряду с другими коптскими памятниками с библейской тематикой, создана в сравнительно позднюю коптскую эпоху, во всяком случае, через полтора-два столетия после подчинения Египта арабами. В это время и в последующие несколько столетий заметен рост числа памятников с христианской тематикой. Все чаще живописцы (фрескисты и миниатюристы), скульпторы, резчики по кости, ткачи, а также создатели памятников письменности¹⁷ обращались к образам своего прошлого. На наш взгляд, это примечательное в истории культуры христианского Египта явление можно объяснить реакцией на усиливавшееся с каждым десятилетием стремление арабов исламизировать страну¹⁸. Обращением к своему прошлому (а местные жители, похоже, понимали под "своим прошлым" и мотивы, и символы древнего Египта, героев греко-римской мифологии и литературы и конечно же образы христианской мифологии) они морально утверждали его культурную и историческую ценность. Вероятно, приверженность большинства коптов к монофизитской доктрине обусловила более широкое использование коптскими мастерами ветхозаветной тематики, чем евангельской. Со временем, когда догматические расхождения в христианской среде стали сглаживаться, широко стали использоваться и евангельские сюжеты. Убедительные примеры этому дают иллюстрации коптских и коптско-арабских рукописей, украшать которые сюжетными изображениями, по существу, стали лишь с начала второго тысячелетия¹⁹.

В заключение можно отметить, что заинтересовавшая нас афинская ткань с уникальным изображением "Суда Соломона" позволила сделать далеко идущие выводы, раскрыть некоторые особенности социальной, религиозной и художественной жизни коптов в последние полтора-два века первого тысячелетия.

¹³К литературе в примеч. 8 следует добавить: Каковкин А.Я. Две коптские ткани с изображением Давида из собрания Эрмитажа // ВВ. 1983. Т. 44. С. 182-185. Рис. 1, 2; Nauerth C. Evidence for a David Cycle on Coptic Textiles // Coptic Studies. Acts of the 3rd International Congress of Coptic Studies. Warsaw. 20-25 August 1984. Varsovie, 1990. P. 285-297. Fig. 1-4, 6, 8, 12.

¹⁴The Coptic Encyclopedia. 1991. Т. 2. P. 388.

¹⁵Эта проблема рассмотрена мною в ст. "Ветхозаветная тематика в коптском искусстве" (ПС 1993 Вып. 93).

¹⁶Leroy J. Op. cit. P. 208; Le Monde copte. 1988. N 14-15. P. 38.

¹⁷Еланская А.И. Коптская литература // История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2. С. 362-364.

¹⁸Этому вопросу посвящена моя работа "Египет в XI веке: некоторые аспекты социально-политической, религиозной и культурной жизни христианского населения страны" (в печати).

¹⁹Наглядно это продемонстрировано Жюлем Леруа, в цит. кн. которого на с. 218-219 перечислены евангельские эпизоды, проиллюстрированные коптскими миниатюрами.